

ВИКТОР ЗИМАКОВ

ЛЕБЕДЬ ЧЁРНЫЙ

Виктор Зимаков

Лебедь черный

«Издательские решения»

Зимаков В. Ф.

Лебедь черный / В. Ф. Зимаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909031-7

Книга о сибиряках, которые в делах ратных уничтожали фашистов, прыгали на вражьи позиции с самолетов без парашютов. Отстаивая веру истинную, избирали вольно Голгофой Красную площадь Москвы. Тяжелая доля штрафников и юмор из жизни жителей этого прекрасного края. Одна из версий нахождения золота Колчака на Алтае.

ISBN 978-5-44-909031-7

© Зимаков В. Ф.
© Издательские решения

Содержание

ПЛАЧ РОССИИ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лебедь черный

Виктор Федорович Зимаков

Редактор Дмитрий ЗИМАКОВ

Дизайнер обложки Елена ПЕТРЯЕВА

Корректор Светлана ПРОКАЕВА

© Виктор Федорович Зимаков, 2018

© Елена ПЕТРЯЕВА, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9031-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗИМАКОВ Виктор Федорович. Родился на Алтае в 1947 году. После окончания Красногорской школы поступил в Омское высшее общевойсковое командное училище. Служил в различных подразделениях Забайкальского военного округа. Офицер запаса с 1990 года. Проживает в Барнауле.

Книга о Сибиряках которые в делах ратных уничтожали фашистов, прыгали на вражьи позиции с самолетов без парашютов. Отстаивая веру истинную, избирали вольно Голгофой Красную площадь Москвы. Тяжелая доля штрафников и юмор из жизни жителей этого прекрасного края. Одна из версий нахождения золота Колчака на Алтае.

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ – *предвестник недобрых событий для Отчизны. Дано сие знамение свыше для испытания наших*

*душ и тел, утверждения России-матушки как родительницы
и хранительницы веры истинной, справедливости и любви.*

*Птица та, бросая люд в бездну, на погибель одних
и возвышение других, пролетала по нашей стране, чтобы
учить и готовить оставшихся к более тяжким испытаниям
и очищению от скверны.*

Автор.

ПЛАЧ РОССИИ

Посвящается Кошелевой Софии Ивановне

**Так будет каждому по вере —
небесный дом и брачный пир,
и по одежде будет мера,
духовный свет, душевный мир.**

Холмогоров А.

Кладбища России, как вас много, и все разные. В одном сходство: испокон веков наши предки для упокоения выбирали чистое, возвышенное и открытое солнцу место, ибо понимали, что здесь последняя ступень нашего земного бытия и первая к тому, кто создал наш мир, где хранят память о прошлом. Ушедшие в небытие жили с надеждой, что на их прах не упадет тень гроба последующего поколения, что они никогда не будут потревожены разочарованием потомков в их веке, не будут снесены их надгробия в угоды новым государственным потрясениям. Кладбище — суть-то «клад». Или, погост — опять же «погостить». А схоронить — всё тоже: сохранить что-то близкое, дорогое и необъятное.

А посадил ли ты цветы на могиле близкого своего? Сделал ли так, чтобы памяти ушедшего было уютно? А помолился ли ты о его грешной душе? Дал ли упокоение для вечной жизни? Камни надгробий над нашими потомками — это ступени в твое будущее.

РАСПЯТАЯ ПАМЯТЬ

Возвращаясь на исходе дня из командировки из Горного Алтая, на въезде в Бийск я решил «проведать» могилу своего деда Ивана. Оставив машину на обочине Чуйского тракта и обходя бугорки могил, памятники и покосившиеся кресты, вдруг услышал тихий, еле различимый с приговорами плач. Были в этом плаче какие-то особые рвущие душу звуки. Эти звуки напомнили мне погребальную песню, которую я слышал в детстве. Плач, песнопение, напутствие, уходящим в небытие, что их помнят, чтят и любят, и надеются на встречу на небесах. Плач был без надрыва, вскриков, как бы перекатом вместе с закатом солнца уходил за горизонт к дальнему лесу, едва различимому с горы, насыщая миром и покоем последний приют жизни человека.

Обойдя заросли боярышника и оказавшись перед небольшой поляной, я онемел от увиденного. Кто-то ради упокоения лишь одного своего родственника, словно бульдозером, снес всю память о других захоронениях на этом месте. Кресты, памятники, дерн с могильных холмов, оградки, венки — всё это, безжалостно вырванное с десятка могил, было безобразно свалено в одну кучу.

Новая, стальная, излишне высокая остроконечная стена железного частокола словно проводила границу между нелюдским кощунством и надругательством над обычаями, традициями христиан. Посередине этой металлической клетки возвышался огромный, не памятник, а какой-то уродливый мраморный постамент, отдающий холодом угрюмости, безвкусицей и попранием православных символов об умершем человеке. Разбросанные за этой массивной, неприступной оградой бутылки, банки из-под спиртного и другой мусор не поминок, а «пиршества» неизвестных, говорили о нулевой морали тех, кто совершил этот вандализм. Даже взгляд с фотографии почившего в этой крепости, ещё молодого, мужчины, как бы с тоскою и упреком созерцал последствия нелюдского отношения к уже вечным своим соседям по несчастью.

И посреди этого хаоса опрятно одетая женщина преклонного возраста пыталась собрать то, что осталось от когда-то ухоженного места памяти о близком человеке. Красоту, статность, молодость, теплоту, доброту души не тронули невзгоды и трудности прожитых лет. Со вкусом уложенные волнистые волосы, плавный изгиб ещё темным бровей, пушистые ресницы, когда-то полнокровные чувственные губы не вызывали сожаления к её возрасту. И ещё глаза с необычной синевой, в них хотелось смотреть, разгадать причину их покоя, притяжения, глубины мысли. Как бы упреждая мою неловкость и растерянность, она первой начала разговор. Подтвердив моё предположение, что похоронен «новый русский», некий «бизнесмен», зверски убитый своими же подельниками, она тихим приятным голосом сказала:

– Жаль мне этих людей за их грех, не ведают о проклятии и возмездии. Нет, не от меня, Боже, упаси желать им плохого. Как меня в жизни не било, но так горько мне впервые. Они ведь и оградку с могилы моего мужа снесли, а там и для меня место было. Да Бог с ними, душой-то я и после смерти всегда с ним буду.

Редко удается быть слушателем, тем более пожилых людей, освященных мудростью, но что и как говорила эта красивая седовласая женщина, заставило меня забыть о времени и причине моего появления здесь. Послушаем же вместе этот рассказ о жизни трудной, долгой, но праведной.

ИСТОКИ РОССИИ

«Выходцы-то мы из Пензенской губернии. Крестьянствовали и деды, и прадеды. Я ведь на земле родилась. Родительница, будучи на сносях, ранним утром понесла поесть мужикам в поле, да видно уж судьба – родила меня в мокрой от росы траве. Матушка-мордовка, хоть и крещенная, возьми, да и назови меня Росиной. Долго потом священника уговаривали, чтобы тот, вопреки христианскому обычаю, окрестил меня этим именем. Тогда священник и предсказал родителям: «Много горя вашей дочери придется испытать, а вода еще не раз её крестить и испытывать будет». Погрузил он меня трижды в реке Чембарке, недалеко от Пензы, в теплой летней воде, а в первый раз-то пророчество в разгар войны Гражданской и сбылось. Белые, красные, а между них банды разных мастей.

В село наше Кукарки, что не далеко от Чембара, залетела такая вот вражья стая. Толком-то в деревне не знали, кого и за что будут казнить, потому мать нас, четверых ребятшек в хлев и спрятала. Ну, а как за стеной начали рубить пашками мужиков, кто новой власти сочувствовал, а я с испугу и выбежала во двор. Хоть и двенадцать лет мне было, а на вид то больше, парни уже заглядывались. Бросились за мной бандиты, обезумев от крови, решили надо мной поиздеваться, загнали в соседний двор, а там – колодец. Поняли моё намерение, да уж поздно, давай по ногам стрелять. Чувствую – обожгло, как крапивой, да сгоряча всё-таки успела до сруба добежать и не оглядываясь, кинулась в открытое творило. Как падала, не помню. Спасло, что колодец широкий был, внизу подмыт, а воды по горло. Потом мне рассказали, что стреляли от злости злодеи в колодец. Хотели гранату бросить, да, спасибо, хозяин двора уговорил за бутыль самогона не осквернять источник.

Утром, только с подходом красных, бандиты покинули подворье. Родители уже не думали, что я осталась жива. Спустился мой дядя Михаил в колодец, увидел меня живой, от растерянности воды нахлебался. Я-то ни кричать, ни говорить не могла, потом ещё долго молча.

Атаман той шайки ещё и сельскую управу сжег, так что сельчане оказались без документов.

Метрики, то есть свидетельства о рождении, выписывали новые, со слов сельчан. Пьяный да малограмотный ревкомовец, тот, что писарем при сельсовете числился, вместо Росины меня Россией Ивановной записал, сразу и не заметила, что новым именем меня записали.

Вначале тридцатых крестьянам стало тесно на земле от законов, что Советы издали. Мужику-то воля нужна, а не свобода, что большевики предлагали, да и слово-то свобода – больше казенное, неживое, к чему-то обязывающее, а воля – где простор на душе, свет и дух благодати витает для творенья и добра. А далее Россия Ивановна для меня, вроде бы и просвещенного, сама того не подозревая выразила суть различия между свободой и волей в христианском понимании. Для нас, почитающих истинного Бога, нужна свобода от греха, свобода выбирать голос чистой совести.

За свободой от греха подальше мои предки за той волей – птицей в Сибирь решили податься, на Алтай. Благо на тех просторах землячка наша тоже из Пензы жила – Судовская Евдокия. В прошлом она была купчиха, основательница Барнаульского Богородице – Казанского женского монастыря. Там и монахини из нашей родни были. Вот они и помогли нам выправить нужные документы на переезд. Помогло и то, что дед Михайла, в отличие от моего отца, был купцом и до прибытия на Алтай, имел отношения и хороших знакомых среди старообрядцев. Несколько раз посещал в Москве их церкви и уже имел твердое намерение принять струю веру. Это и было причиной, что на новом месте, встретившись по рекомендательным письмам с местными староверами, нашел всяческую поддержку при обустройстве. Как бы там власть не притесняла верующих, но вот община Ефтея Долгова в Никольской заимке имела большой авторитет в здешней округе. Документ на жительство получали в районном селе Старая Барда (ныне Красногорское), а когда стали выделять семейству Кошелевых земельный надел, узрели мое необычное, но заверенное по закону печатью имя.

Долго дивились и решали – одну или две буквы «с» в моем имени оставлять для акта земли на мою душу. Аж до самого начальника района дошли, но тот по-своему определил:

– Раз в Сибирь из России приехала, пусть Россией Ивановной и останется.

Дали нам угодье гектаров тридцать в предгорье, место это в простонародье «черню» называлось, от близости к необитаемой тайге. Нам сразу полюбилась та сибирская сторона. Не зря говорят, что Сибирь – хребет всей России, как-никак, неразведанная кладовая недр отчизны, родительница самых великих и красивейших рек и озер. Синь неба, зелень лугов, тайги, белки высоких гор, глазам и душе просторно, радостно, свежо, здесь воля человеку. Кто здесь побыл единожды, ему уже в другом месте тесно, скучно, неудобно. Земля сочная, благодатная. Тайга и речки для прокорма полны живностью. Разнотравье на лугах, полянах, что на взгорках, радугой отливаются, пьянят, умиротворяют, чаруют человека. А главное, народ, что рядом проживал, радушно воспринял появление наших семейств. Они были смешанного происхождения, мировоззрений, религий, культуры, языка.

Сибиряки – народ особый, своеобразный. Сама природа тех мест не приемлет людей слабых, мрачных, жадных да лживых. У подобных два пути – искать иную сторонку для дальнейшей жизни, либо силы изыскивать в себе, чтоб от таковых пороков избавиться, здесь добронравие в почете. Аборигены – алтайцы, кумандинцы, татары, поляки, русские, ссыльные с окраин Российской империи, исконно русские, бежавшие в погоне за волей, старой верой, но почему-то кликались «челдонами», «гуранами», «поляками», «кержаками». Уже не одно столетие жили в мире и согласии без оглядки на то, кто какому Богу молится, в каких национальных одеждах ходит, что в закромах да в доме имеется. Староверы Никольские, ну «кержаки» по-народному, несколько мешков семян, пшеницы, овса да ячменя без всякой оплаты в помощь привезли, и, видя, что из подвод у нас три телеги разбиты, свои оставили. По «божеской» цене – по обмену на ложки серебряные, что были у моей матери, дали двух стельных коров да жеребую кобылу. Поляки, что были сосланы при царе, обрусевшие, из деревни Тайна, те за обещания наших мужиков оказать помощь в постройке моста, выделили два плуга с бороной. Алтайцы, самые доверчивые и добродушные из обитателей тех мест, без утайки нашим охотникам показали добычливые места, научили, где и как лучше ловушки ставить на зверьё,

поделились порохом да дробью. Татарин, увидев случайно меня на поле, привел за рога молодого барана с предложением выйти за него замуж. Дед Михайло приостановил сей торг, мол, у девушки есть уже нареченный, ну, а если по-доброму, то я от подарка не откажусь. Барана тот отдал, а через неделю татары из села Балыкса уже на расплод овец привели. Отец же Иван в знак благодарности дал серебряные монеты, которые пошли на украшение одежды их женщинам. Удивительным было для нас это первое время, что все вроде разноверцы и народ разноязычный, а вот праздники равноденствия да солнцестояния справляли вместе: дружно, мирно и весело. Пасха для нас была первым праздником в этом месте. В этот день за одним столом со староверами сидели гости со всех окрестных сел – Ужлеп, Бубычак, Еронда, Сайдып. Кумандинцы готовили в казанах сочную, душистую да мягкую баранину. Алтайцы, рыбу по-своему высушенную, клали на общий стол. А брага, хмельная, веселящая, как ни странно, у трезвенников «раскольников – староверов» была. Её в логушках особо готовили, да в логушки наливали.

Наше семейство из землепашцев, поставили караваи да пироги с начинкой из грибов, брусники, малины да черемухи. Они были признаны самыми аппетитными и вкусными на празднике. Все хорошо! Одного нам, приезжим поселенцам, как воздуха не хватало, мы другой православной веры, нежели кержаки, а вот места, где с Богом общение иметь, не было. Помогло семейство староверов Думновых. Без нареканий, что мы не по-ихнему обряду оказываем почтение Всевышнему, бескорыстно, в чем-то в ущерб себе, отдали нам бревенчатый домик, где зимой хранили пчелосеми да утварь с пасек. Потому внутри благоухание мёда, воска, кедровых бревен к благодати располагали. Мы, женщины, за пару дней тот домик в добрый вид привели, а мужики установили на крышу маковку с крестом. Так что на первое время, пока свою церковь не построили, наши души тоже пристанище обрели. Зажили вроде и не плохо. Деды работающими были, через пару лет раскорчевали делянки, срубили для себя и скотины кое-какое жилище. У нас, женщин, кроме всего хозяйства, в первое время ещё работа была – тянули сохи, коров-то жалко было, а коней не на что купить. Заимку нашу Михайловкой назвали, по причине того, что мужики все Михайлы были, кроме моего отца Ивана. Через пару лет разжились конями, плугами, купили шерстобитку, запустили маслобойню, стали мастерить жнейки, а улы, логушки, чашки, ложки – это почти каждое семейство делало. В Бийске всё это продавали или меняли на железо, гвозди, разный инструмент.

Как ни странно, но читать и писать из десяти наших семейств умели почти все. А первая книга, что шла за учебник – Библия. Я знала, особенно Новый Завет, почти наизусть. И понимание Бога у нас было, в основном на восприятии и исполнении Божьих заповедей. Жить старались по совести. Не считалось грехом на селе, если нужно для дела работать в христианские праздники после обеда. А вот жадность, зависть как-то не приживались среди наших землепашцев. Даже позднее, когда из других мест к нам селились, михайловские делились всем, чтобы помочь нуждающимся. Власти как-то стороной Михайловку обходили. Мужики-переселенцы не то, что смиренные да покладистые, просто, живя в центральной России, раньше, чем местные, были приучены к разным чиновничьим придиркам да поборам. Случалось, отношения с разными представителями новой власти сглаживали маслом или мясом. Серьезная же стычка произошла из-за того, что решили селяне наконец-то построить новую маленькую церковь. Не по нраву властям, что без их спроса мужики заложили приход из кедра. Везде рушат да закрывают храмы, а здесь новый открывать решили, лес сплавляли из-под Маймы по речке Ише. Приехали тогда человек пять атеистов, народ собрали около церковного сруба, решили устроить что-то вроде диспута, как сейчас говорят. В том споре вознамерились показать вредность религии. Начал старший команды, да весьма неудачно обратился он к собравшимся:

– Уважаемые мужики – товарищи.

На что, острая на язык Марья Дейкина съёрничала:

– Мужики-то сеют в поле, а товарищи сидят в райкоме.

Тот, поняв ошибку, хоть и смутился, но решил исправить положение, обратился вторично:

– Граждане, а кто у вас здесь за попа?

Вышел мой дед Михаил Кошелев. Он ещё в империалистическую при полковом священнике за знание Святого Писания был помощником. Отвечает:

– У христиан такого сана нет.

И далее дал пояснение насчет званий служителей церкви. Однако все тот же торопыга, видно решивший все-таки вверх взять, прервал моего деда на полуслове и заявил:

– Бог этот ваш, философ, конечно же, хитрый, да вот только его никто не видел, и я вас всех здесь уверяю, никто никогда и не увидит.

Дед Михаил не дал слова агитатору:

– Эва, куда ты загнул, человеке! Спасибо, милоч, что ты своими словами глаголешь истину Евангелия, где Апостол Павел речет: «Никто из человеков не видел Бога и видеть не может». И то, что ты нас в невидении Господа хочешь убедить, у нас каждый малец и старая бабка знает. И еще скажу, что Бог – не философ, а Великий Всемогущий Творец, Созидатель Мира, нас окружающего. Мы, люди, вроде кровинки в огромном теле, как же, по-твоему, частица может узреть целое? Мы людские мысли не видим, силушку, что землю-матушку крутит да в небесах держит, тоже никто не видит».

Тут девица из прибывших активистов свой вроде бы сложный и каверзный вопрос задает:

– А что, говорит, есть истина по-вашему? Мы вот в коммунизм верим, а вы в Бога какого-то.

Тут уж батюшка мой, что поблизости напротив стоял, спокойно так, доходчиво и понятно вразумил:

– Вот ты, милая, ко мне лицом, вижу, красивая, но глаза-то блудливые. А вот сбоку брат мой, он видит, что нос твой с горбинкой – хищный. А сноха, что позади тебя стоит, узрела, что ты девичью косу срезала. Да кожанка не с твоего плеча, заплата на спине не то от пуля, не то от клинка.

– Ты дед, как бы ближе к истине, – с ноткой раздражения произнес другой приезжий.

Отец, нисколько не смутившись, продолжил:

– А Истина, она одна, Божья, в каком ты облике не будь, все одно – ты женщина, человек. А поскольку люди все мы разные, потому и суждения по любой истине у каждого свои. Мы православные не просто в Бога верим, а мы ему доверяем себя и свою жизнь.

Замолчали гости, о чем-то пошептались. Дали слово совсем молодому, но, судя по пенсне благородном лице и опрятной да ладно скроенной одежде – оратор грамотный, так сказать, «kozyрь» агитаторов. Голосом твердым, уверенным спросил:

– Ну, допустим, Бог есть, он истина, он един, значит, и всесилен. Так зачем, коль он такой умный, дюжину аль больше религий да верований разных на Земле допустил? За какую правду своего сына отправил на казнь? А вы все, значит, подневольные его, коль рабами Божьими зоветесь.

От таких вопросов, разом заданных, мужики наши притихли. Вот тут-то уж я не сдюжила, «поперек батьки в пекло», в спор взрослых и встряла:

– Да что же ты клевещешь на Господа нашего, всё Он разумно сделал. Да, рабы мы Божьи. Только это не унижение, а титул, звание любого оцерквленного народа. Вот ты с городу приехал, шляпа на тебе новая?

Тот ответ быстро нашел, хвастливо так отвечает:

– Не только новая, но и модная. А я, пока молодец не усмотрел подвоха в моих словах, без остановки продолжаю:

– Поди с десяток подобных перемерил да фасоны разные пересмотрел, перед зеркалом полюбовался?

– А как же! – с некой гордостью да значимостью, – даже ту шляпу рукой поправил.

– А подружке аль своей невесте платок, поди, тоже на цвет да размер не первый попавший купил? – опять же я спрашиваю.

Агитатор, не ведая, к чему я веду этот разговор, встречный вопрос мне задал:

– Отец-то твой, поди, тоже, прежде чем купить хомут для лошади иль инструмент для стройки, все магазины да лавки обойдет, всё, поди, перешукает да на прочность проверит, цену, подходящую для своего кошелька, постарается найти.

Вот тут-то я и прервала красноречие обличителя нашего Господа.

– Вот ты сам и ответил, что есть выбор у человека не только в поиске нужной вещи, но и пути к Богу. Вот так и веру Всевышний позволил выбирать по доброй воле, без принуждения, по душе каждому человеку, и вы, безбожники, отрицающие сущность Творца, наделены Божьим правом не верить в Него, но не без наказания, нареkania, иной кары. А насчет распятия Христа: не за правду Иисус на крест взошел, а за истину. Правда – она у каждого своя, а Истина одна.

Уехали те атеисты ни с чем, а через неделю пришла из района бумага-распоряжение: «Заготовить двести пятьдесят кубов строительного леса». Видя неподъемность требований для наших селян, мужики собрались на сход. Как не рядили, но хозяйских рук, лошадей да саней для заготовки и вывоза древесины хватало еле наполовину. Тут на сход приехал, откуда-то прознав о нашей беде, Данила Матвеев, староста староверов нашей округи. Он потомок Матвея Иванова Платова, который значился в восемнадцатом веке войсковым атаманом Донского Казачества, по чину – генерал от кавалерии. Несмотря на то, что был приверженцем старой веры, Платов получил графский титул за войну с Наполеоном. Поклонившись в пояс, гость наш, Данила, обратился к собравшимся:

– Хоть и почитания веры Христовой у нас разнятся, да только Бог, как Сын Его – едины для всех нас. Ваша задумка возвести церковь – богоугодное дело, по сердцу братьям и сестрам нашей обители. Видим мы, что начальство непомерный оброк вам навязала. В общем, есть у нас хорошие лесины, мы заготовили их несколько лет назад на амбары под зерно, а здесь революция. Всё равно районные прознают, не сегодня, так завтра отнимут. Всё штабелями на скрытной заимке аккуратно сложено, там кубов сто с лишним будет. Ну а в остальном для извоза лошадьми тоже окажем помощь.

Так что на заготовку недостающего леса все семейства села Михайловки вышли в тайгу. Нас, что помоложе, отправили на обрубку сучьев. А весна уже во всю пригревала: в лощинах ручьи под снегом большие промоины образовали, лесины, что срубили, попадали поперек речки Тайнинки.

В один из дней, обрубая пихтовые лапы, я сорвалась, да прямо в такую промоину. Близко никого не было, а ветки закрыли место провала. Меня течением метров на пять, как в тоннель, затянуло. Вся мокрая вперед ползу, водой захлебываюсь, а верх смерзшийся. Только к вечеру меня и спохватились, искали-искали, потом решили, что домой раньше убежала. За ночь я все руки до крови сбила, немного продвинулась вперед к песчаной отмели под снегом, пока вода от заморозков ослабела, а на большее уже сил не хватило. Молилась я, как могла, может, это и помогло продержаться до утра в снежном плену промоины. На следующий день мужики снова обошли всё вокруг, след искали. Думали, что я в тайге заблудилась, да ничего не нашли. Через сутки отец привез нашу собаку Борзика, тот под ветки и давай лаять. Достали меня, самогоном да медом оттерли, я потом долго хворала. Вот это и было моим следующим крещением водой.

В общем, михайловцы заготовили лес и даже в район свезли, да только власти ещё злее стали, прислали уполномоченного по заготовкам сельхозпродуктов. Документ при нем с указанием: поселить, кормить и подводу, когда надобно, представлять. Тот же приехал не один, а с семейством – женой и сыном и сразу положил глаз на наш, только что отстроенный дом.

Уж больно ему резные наличники на окнах понравились. Он и в большую половину дома заселился, а мы семья семь душ – в малую. Вновь прибывший с вечера наказал, чтобы утром все поселенцы прибыли на собрание. Как вышел он на крыльцо, кожанка ремнем перепоясана, да с наганом в руке, мужики поняли: одним самогоном да маслом такого не уговорить. Направился прямо к часовне, селяне за ним. Ни слова не говоря, замок, что с собой принес, на дверь повесил и сургучом опечатал. Достал тетрадку и на того, кто ближе стоял, как рявкнет:

– Ты кто такой? Фамилия? Имя? Отчество? Что на дворе?

До меня дошел. Я ему:

– Кошелева Россия Ивановна.

– Что ещё за Россия? У нас до семнадцатого года Россия была, а сейчас – республика.

Кто разрешил такое имя?

Выяснив, что я знаю грамоту, записал учетчицей. Дал карандаш мне, тетрадку и распорядился, чтобы я у всех в поселке живность на подворье переписала. В помощники мне своего сына приставил, дал на это два дня, а сам в район уехал.

Мужики, видя такое дело, решили часть скотины в тайгу на лето угнать, знали уже понаслышке, что значит животину на учет ставить: ни молока, ни мяса на прокорм семье не останется. Уполномоченному за малый рост да тявкающий голос сразу дали кличку – Моська, а сына за большие уши прозвали Лопухом, тот, вообще, пьяницей оказался. Отец его только за околицу:

– Давай, – говорит, – пива найди.

Быстренько ему целый лагун браги принесли, он два дня и гулеванил. За это время на своем сходе решили, кому сколько скота вписать, так что к возвращению начальства большую часть коров и овец свели на дальнюю пасеку, скрытую от районных властей. Вернувшись, уполномоченный наказал, чтобы на следующее утро все михайловские с детьми старше семи лет построились по отдельности, каждый хозяин во главе семейства. Это мы потом разузнали про его «армейские» замашки. Оказалось, что Моська ни за красных, ни за белых не воевал, а, якобы по болезни желудка, в военкомате на призывников вел учеты. Брал за отсрочку от армии с кого деньгами, с кого продуктами, пока не попался. Судить не стали, как ни как, партийный – опять же дал, кому надо. Вот так и попал он в Михайловку. Своему сыну он тоже белый билет справил. В хозяйстве Мося ничего не смыслил, а в выполнении районных указаний усердствовал жестко. На едока в семействе оставлял по литру молока, остальное – на сдачу. Сам же спозаранку по дворам бегал, даже привез ведро с меркой из Барды.

Только вскоре мужики прознали о причине ретивости начальника в налоговых сборах. Сомнение-то вначале у меня появилось, когда в его отсутствие из районной заготконторы приехал проверяющий. Я ему все бумаги показала, в которых помечено, сколько чего сдали. Тот оказался дотошным, заставил меня на каждом листочке расписаться, с тем и уехал. Мося, когда об этом узнал, рассвирепел не на шутку, видно, большая недостача да разница была в отчетах, живо нагрузил без всяких бумаг воз солонины и – в район. Вернулся ещё злее. Тогда мужики-то, возьми, да проследи за ним, когда тот очередную партию повез. Вozy он почему-то все ближе к вечеру снаряжал. Оказалось, что не в заготконтору, а прямиком с возом к свояченице, где и сгружал половину, а уж та неучтенным в Бийске торговала. Селяне по-своему решили никому не жаловаться, а поговорили с Моськой. Сколько тебе самому надо, бери, но и нас не обижай. Затаился уполномоченный, даже меня перестал оскорблять. Сын – Лопух, хоть и пил почти каждый день, ничего не делая, при случае все ко мне приставал. К тому времени я уж была просватана. Любила своего суженного, а уж как Коля был счастлив! Летом ни одного дня не было, чтобы он цветы не принес, хоть на покосе я или на пасеке за десять верст, а прибежит, найдет, и слов никаких нам не надо, тепло и уютно с ним. Весной его забрали в армию на Дальний Восток. Не думала я тогда, что придется встретиться с ним мне в этом краю.

К осени сын Моськи вообще осмелел, подсматривает за мной и как только я одна в сарайку зайду или на покос отправлюсь, он со своими приставаниями. Уже и силу применять стал. Видя такое дело, отец в один из вечеров при пьяном Лопухе послал меня на дальнюю пасеку, а тот, конечно же за мной подался. Ну и словили его мужики за поселком, содрали штаны да в муравьиную кочку посадили, связав прежде руки и ноги. Утром Моська заявился к нам. Отправил меня на пасеку улья пересчитать, а родителям без всяких подходов приказным тоном:

– Арон жениться хочет на вашей дочке, я не против, давайте решать, да побыстрее насчет свадьбы.

Отец ни в какую не соглашается, мол, просватана уже, жениха из армии ждет. Неделю – две спокойно было, да видно от кого-то «полномолчный» прознал о скотине, спрятанной в тайге. Сыну не давал пить, тот и укараулил, когда я в ночь на скрытную заимку пошла дежурить и коров доить. Проследил-таки, поганец, и дорогу запомнил, хотя и по темноте за мной крался. С рассветом, отдоив, я из тайги к поскотине выхожу. Вот он и Моська с милиционером из-за амбара, а позади Арончик с карабином. Так под конвоем меня к избе и привели. Милиционера на улице оставили. Уполномоченный с порога:

– Ну что, Иван, договоримся без властей? Либо через неделю свадьба, либо тебя с остальными под суд. России твоей за подделку документов и укрывательство, как вредителю, на полную катушку – десять лет, да с конфискацией.

Дал время на раздумье до следующего утра, а сам с участковым в Тайну гулять уехал. Собрались тогда почти все михайловские у церкви на сход. Долго обсуждали, уже ближе к обеду позвали меня:

– Ну девонька, как скажешь, так и будет. Пойдешь за Арона или нет?

Слезы давят, но сказала, что надумала:

– Не быть этому, всю вину на себя возьму. Тятя, деда, дорогие мои, будь что будет. Но не заставляйте меня через совесть свою переступить.

На том и порешили. Чтобы мужиков всех не пересадили, всю вину на себя наше семейство взяло. Понадеялись, что меня строго не осудят, а остальных мужики откупят. Для этого приготовили две бадьи кедрового масла, собрали копченостей да меда со всех дворов две брички. Только все эти старания связями Моськи в суде пошли прахом. Наше семейство кулаками признали. Отца с дедом на рудники в Казахстан отправили, меня на Дальний Восток на пять лет для исправительных работ. Наш дом со всем хозяйством отошел начальнику. До этапа ещё удалось с родными свидеться. Дедуля мне наказ дал:

– Что такое вера человека? Она сродни той капельке влаги, что внутри земли находится и хочет эта водица воли. А для этого она стремится покинуть тьму земли, что бы увидеть свет. И вот это стремление выводит капельку через лабиринт ходов темных к заветной трещинке в тверди, к свету земному. Вот так и человек стремиться к истине.

– Запомни, внучка, зло несут люди слабые духом. Нет в таких искры божьей, что к любви ведет. На добро способен только сильный человек, и сила эта в доверии к нашему Творцу. Как бы трудно тебе ни было, не уподобляйся слабым, на жизнь не клеветай. И ещё – не твори возмездие, даже в мыслях к тем, кто сделает тебе больно. Добро и зло – это чувство людское, земное, а возмездие – удел Всевышнего. Живи по совести.

Вот это напутствие стало для меня, как молитва, дало мне силы на выживание среди тех, кто унижал, ломал и коверкал данную создателем мне судьбу.

Уже не помню, сколько путь на Восток продолжался в зловонном, темном, душном, тесном, пропитанном невольничьим духом узилище под названием – вагон. Почти ежедневно кто-то умирал, сходил с ума, резал вены, пытаясь покончить с собой, все с нетерпением ожидали одного, когда же этому ужасному путешествию придет конец. Дождались. Ранним утром больше обычного засуетились конвойные, и вдруг, открывают настежь ворота этой тюрьмы на колесах. Затем громкое:

– Выходить всем!

Боже, какой радостью была эта команда. Воровки, убийцы, враги народа прямо-таки вывалились на свет божий. Пали друг на дружку визжа, крича, плача, обнимаясь, забыв о склоках, ссорах, а под ногами – не скользкая от блевотины, мочи, слез доска, а зеленая, мягкая трава. Чуть вдалеке – изумрудная гладь озера, ярко режущая, слепящая глаза и обволакивающая теплом, огромное небесное светило. Кругом не горы, а словно хоровод ровных холмов и сопок, украшенных зеленистым разноцветьем хвойного леса, полянами, усыпанными цветущим кустарником, кое-где – рыжие выступы скального грунта. Все это дышит, живет вольной своей дикой, природной жизнью. Как же хотелось спорхнуть, парить и парить над этим красивейшим естеством.

Прежняя охрана, в ожидании лагерного конвоя, подобрев и желая напоследок полюбоваться женской натурой, разрешило нам всем искупаться, помыться и постираться. Нива водная, теплая, прозрачная всех нас, бедолаг, согрела, отпарила, словно соком снежницы напоила досыта, сняла тяжесть плотской грязи, сгладила обиду за рабскую жизнь, возродила добрые желания, дала уверенность в предстоящем заточении. Не верилось, что в этом райском уголке есть место, огороженное венками из железных колючек. Как же так, среди внешнего благолепия очаровательной мирной таежной природы человек для себя же подобного выкопал яму, котлован, символ новой власти для тех, кто противился новым несправедливым устоям. Не приведи, Господи, кому испытать тот земной ад, что начался для меня, пока прибыла до места отбытия наказания. Как только перекличка доходила до моего имени, так любой новый начальник:

– Что это за Россия? Ну-ка её ко мне!

Любопытно, видно, посмотреть на человека с именем державы. Ну а после смотрин все норовили в вагон к себе затащить, где ласками, где угрозами не раз пытались девичество моё испоганить. Я почувствовала силу своего взгляда на мужскую похоть. Говорила мало слов, а вот глазами в совесть вносила подобных типов неприступность к себе.

ПОЛЮС ОТЧУЖДЕНИЯ

**«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,»**

А.С Пушкин.

**«Оно нам силой станет тут
Спасет от мрака отупенья!»**

Юрий Грунин.

Спокойно, без ноток обиды, сожаления о пережитом, продолжила свой рассказ:

– Это было время мора на народ без разбору, не только за преступления, а за то, что говоришь, думаешь, веришь, делаешь иначе, чем трактует государство. Вот зоопарк – медведь-увалень, волк кровожаден, рысь непредсказуема, коварна, добрые, веселые обезьяны, беззащитный тюлень и гордый красавец-олень, каждый хоть и ограничен в свободе, но защищен от соседей оградой.

А здесь – за колючкой сотни зэков, и все в одной клетке – зоне, и в каждом от природы заложен инстинкт зверя. В этом, пригодном только для скота, загоне, масса молодых, зрелых, пожилых людей и совсем немощных стариков, для всех возрастов, наций, вероисповеданий и образованности жесткие, скученные в два-три, а где и четыре этажа нары. Здесь – Россия с её-то бескрайними просторами, словно скукожилась, да так, что на арестанта приходилось меньше квадратного метра. Холод, голод, узаконенное разными декретами, постановлениями, унижение, бесправие и насилие. А ещё неписанные, но негласно поощряемые лагерным начальством,

законы преступного мира. Есть полюс Северный, суровый, холодный, да только пострашнее будет полюс лютости племени зеков.

Меня словно холодом окатило от восприятия и проникновенности всего сказанного пережившей эти ужасы женщины. А ещё где-то внутри моего сознания голос – вопрос, как она выжила при этой трагичной и страшной безысходности? Мне, знающему лишь понаслышке, да и то в искаженном, выхолощенном виде в угоду власти, о насилии государства над своим же народом, очень хотелось понять, отчего эти люди почти равного достатка, условий тогдашней жизни, грамотности, убеждений, оказавшись по разные стороны колючего забора, мгновенно становились страшными врагами. Уловив момент, когда рассказчица на минуту отвлеклась поправить порушенный бугорок на захоронении мужа, я, набравшись смелости, спросил:

– Софья Ивановна, почему такая злая ненависть сквозила меж зеками и лагерной охраной, начальством. И, вообще, кого из невольников наиболее жестко травили в лагере?

– Да ты не первый, кому это трудно понять, – ответила она, присев для удобства на чурочку. – Все просто. Начальство, охранники все они, в основном, из неудачников по службе, проштрафившихся на большой земле, в общем-то, обиженных на всех и вся, жаждущих, как и мы, бедолаги, из той зоны бежать. А потому и вымещали они свою обиду жизни над беззащитными существами. Но более всего доставалось священникам, без разбору, начиная от православных, лютеранских пасторов, ксендзов, еврейских раввинов. Все они использовались в самой унижительной работе, в качестве ассенизаторов, при чистке параш и отхожих мест. Если среди таковых оказывался священник-старообрядец, то это, вообще, изгой в лагере. Людей старой веры также сначала унижали уборкой нечистот, а потом отправляли в удаленные точки от лагеря, в штольни и шахты по добыче левой и неучтенной породы, содержащей драгоценные металлы. И эти узники уже никогда назад не возвращались, погибали там, где работали.

Вот ты теперь представь, как разит от человека, если он пару часов в нужнике работал. В барак таких еще пускали, а на нары им путь заказан. Кто же сможет в такой духотище ещё и смрад терпеть? Но мы, верующие, всегда находили возможность помочь выживать этим святым людям.

– А вот почему такому дикому унижению подвергали служителей церковного алтаря? – как бы спрашивая меня, Софья Ивановна пояснила довольно-таки кратко, точно и понятно. – Зависть да ревность снедает таких истязателей, гонителей Бога, а для духовенства и верующих Божье наказание превыше и страшнее любой земной несправедливости, какую творили служаки в кожаных тужурках. Не постигнут цепные псы главной тайны, пошто вольно верующие принимали те унижения, ибо знали они и верили, что каждая капля крови и слез мученика превращается в семя для церкви. Так что, мил человек, испокон веков тот бесовский порок, что завистью да гневом называется, он присущ людям слабым духом.

Наверное, всё это и отразилось на моем лице. Россия Ивановна, очевидно, поняв мое гнетущее состояние, уже успокаивающим голосом продолжила:

– И вот что удивительно – у тех, кто достойно всё это переносил, не запятнав совести, а их было большинство, добро и любовь не угасли даже в этом жестоком мире несправедливости. Немного подумав и как бы взвешивая своё же мнение, она добавила:

– Не хочу оправдывать, но и осуждать события суровости тех лет, но многие из узников лагеря действительно заслуживали изоляции и наказания. Вот так и начался мой новый круг лагерной жизни с тысячью неразрешимых вопросов. Освоиться с лагерными порядками было трудно: научиться ходить везде строем, питаться не за столом, а где придется, из одной металлической банки на все блюда. Кто враг, кто друг – попробуй, разберись. Законы-то не людские. Через желудок всё чистое, человеческое, что ещё было в заключенных, будто кислотой вытравливалось, всем хотелось есть. Даже местные жители воспринимали пополнение лагеря за благодать, ведь за поимку беглеца давали пуд зерна. Зная, что бежать, кроме тайги, некуда, мужики заимки делали ловушки вокруг лагеря и дежурили там, ожидая очередного беглеца.

Лес мы валили по кубатуре наравне с мужиками, бревна на себе по два-три километра на себе тащили, лошадей ценили больше, чем людей. Норму не сделаешь, есть не получишь, что ещё хуже, в изолятор упекут. Для нас, женщин, это страшней всего было, ведь пока там находишься, срок наказания не засчитывается. У всех была надежда, что на волю выпустят день в день, как присудили. Ещё не знали, что сроки всем заочно уже удвоили. Так прошел год моей неволи без нареканий да замечаний со стороны лагерного начальства. Накануне Пасхи мое предложение отметить этот Светлый весенний праздник по христианскому обычаю, все женщины нашего барака поддержали, а где достать символ господнего воскрешения трудностей не составляло, в паек руководства зоны, кроме других продуктов, входило и яйцо. При каждом лагере было обычным делом вести подсобное хозяйство из коров, свиней, разной птицы, да и в округе у местных селян всегда можно было достать за умеренную плату десяток- другой свежих яиц.

Мы боялись, что найдутся доносчики, которых вокруг всегда хватало. Но всё вроде благополучно складывалось: спекли куличи пасхальные, покрасили яйца в луковой шелухе, осталось для меня только главное – освятить пасхальную трапезу, хоть и не в церкви, но рукой священника. Для этого нужно было дожидаться вечера, чтобы дойти, как стемнеет, к старцу – богомольцу, что бессрочно отбывал в зоне срок. До своего ареста отец Алексей был иереем старообрядческой общины в Томске. За убеждения, проповеди против бесчинств на православную церковь, подвергся жестоким издевательствам и пыткам, от которых остался согнутым в пояснице на всю жизнь. Снаружи согнуть-то его согнули, да внутри веру, волю христианской личности не сломали.

Начальство, как не странно, благосклонно относилось к тому, что отец Алексей наперсный восьмиконечный крест носил поверх одежды. В случае же смерти вольнонаемных жителей-старообрядцев из поселка, что рядом с лагерем находился, проводил по просьбе последних без всякой охраны заупокойную службу. Жил, словно отшельник, в землянке, что сам выкопал, обустроил рядом с лагерным лазаретом. Работу богомолец самую трудную сам себе здесь же в зоне находил. Так вот, как стемнело, мы вдвоем с подружкой, что в помощницы вызвалась, как- никак две сотни яиц да пара десятков выпечки разной, всё это, взяв с собой, как бы под предлогом постирать белье в лагерной бане, отправились в рискованный путь.

Всё, что нужно, отец Алексей исполнил и благословил на обратную дорогу, и, радостные, мы уже к барaku подходили, как вдруг из-за угла навстречу появился «упырь», внутри-лагерный охранник. Не хочу фамилию его называть, чтобы не оскорблять тех, кто подобную фамилию имеет, а прозвище этот кровопийца, в отличии от других служивых, не зря получил, эту кличку нелюдскую он заслужил тем, что всегда вызывался закапывать умерших зеков, когда от болезней, истощений, увечий на работе, издевательства заключенные мерли как мухи. По мнению лагерного руководства, чем могилу каждому копать, да еще зимой, чего проще с осени одну яму выкопать, куда до весны мертвых и сбрасывали. Вот упырь и подрядился руководить той похоронной командой. Летом вместо лошадей запрягал арестантов в телегу, а зимой в сани, чтобы те останки своих собратьев доставляли до места упокоения. Так вот, перед тем, как покойника в яму сбросить, упырь дотошно обыскивал весь труп. Оно и верно, человек, пока жив, надежду имеет, что-то дорогое для себя хранит ближе к телу. Но и этого мародеру мало, он в рот мертвеца заглядывал, нет ли коронок или золотых зубов. Для этого имел при себе щипцы. Вот как еще этого нелюдя называть, если он у мертвого всё последнее отбирает? В большинстве своем те, кто в охране служили, в душе людьми оставались, понимали, что сами могут рано или поздно оказаться на этом месте, потому, вопреки инструкциям и приказам жестокого режима, невольникам они по возможности прощали мелкие незначительные нарушения, а где и просто возможную помощь оказывали охраняемым. Кроме того, само начальство побаивалось бунта, лагерь находился далеко от центра, откуда могла прийти помощь, потому на некоторые вещи смотрели сквозь пальцы: игра в карты, пронос спиртного

в зону, кроме робы, у кого-то оставалась одежда с воли, не дербанили посылки, иногда даже разрешали священнику крестить и венчать.

Упырь же злость питал ко всем окружающим, у него было одно на уме: любым способом выслужиться перед начальством, и по своей злобе насолить, не взирая, на кого донести, арестанта или своего же товарища по службе. Особую радость испытывал. Очень любил при этом в глаза заглядывать своей жертве, редкая была паскуда. Но, видимо, начальство нуждалось в таких помощниках. Вот на пути такого зверя мы и оказались. Попыталась я как-то уговорить упыря, даже бутылку самогонки, взятую на подобный случай, отдала ему в руки, но для него выше всякого наслаждения было увидеть наше наказание. Вот так, под конвоем, с освященными яйцами, он и привел нас к самому начальнику лагеря. А там был свой праздник, кому-то из них очередное воинское звание обмывали. Компания изрядно выпивших офицеров и их жен, видно, веселилась. Выслушав доклад ретивого служаки о причине задержания эзечек, дальнейшую нашу судьбу разрешил кум, чекист-оперативник, что вел агентурную работу среди всех категорий лагерной системы. Под благодушным настроением этот начальник и говорит мне: «Ты, как мне докладывают, девка с норовом, вообще-то давно стоило бы тебя обломать, да по своему опыту знаю, кто с попом Алексеем общается, кроме Бога, никого не боится и только в нем защиту имеют. А вот мы сейчас и проверим, сумеет ли благодетель и спаситель помочь тебе избежать строгого наказания. Вот я тебе пару вопросов задам, коль мы будем удовлетворены все здесь присутствующие ответом коротким, понятным, бесспорным, так и быть, отпущу тебя и твою подругу без наказания, а коль замешкаешься или ответ будет невнятен – карцер увеличу на две недели и срок отсидки на год.

Не спросив согласия, сразу же задал свой вопрос:

– Вот, что означает крест в православном мире?

Хотела я вначале ответить, как отцы святые трактуют, так нет, длинно будет, не все поймут. По разумению и голосу, что внутри зазвучал, свой краткий ответ изложила:

– Крест так же, как и звезда у тебя на погонах, Символ Веры, где человека распятым можно представить. В отличие от креста, звезда – фигура сложная. У креста же две линии: та, что вертикально стоит, это Бог, дорога к нему, а горизонтальная – это человек, его жизнь на пересечении пути Всевышнего. Крест для православного – сила, надежда, защита. Звезда, как ни крути, большевиками взята с образов Божией Матери или Преображения, это, наверно, и символ вифлеемской звезды, когда Господь родился. И сей символ-то ваш не что иное, как Христовы раны на кресте.

Выслушав это, как-то притихли все присутствующие. Молчание стало доказательством моего суждения. Чекист в знак согласия лишь головой покачал. Уже в полнейшей тишине прозвучал другой вопрос сотрудника грозного ведомства:

– Что превыше всех земных благ?

Без особых раздумий я сказала спокойно, уверенным голосом короткую, но убедительную речь о сути земной жизни:

– Любовь – превыше всего на свете. Она людям жизнь дает, от любви двух сердец третье, новое, нарождается. Поначалу младенец мать любит. Повзрослев, любовью одаряет подобного себе. Потом детям, внукам эту силу любви передает, а, умирая, все равно помогает своей любовью оставшимся на земле. Это благо Бог человеку подарил. И вы, здесь сидящие, службу несете не особо благодарную, для кого-то и не благородную, но опять же, ради любви и заботы к своим ближним.

Видно, что последние мои слова, особенно тронули сидящих, одна из женщин даже всплакнула. Все ждали решения представителя госбезопасности. Тот же, с довольным видом, опрокинув чарку водки, привстав из-за стола, поправив ремень и, словно зачитывая приговор, несколько громко:

– Считай, Кошелева, что ты и подружка твоя избежали наказания, и, наоборот, заслуживаете поощрения. Но напоследок, если сможешь, но только кратко поясни, как это «Бог един в трех лицах»? А не сможешь ответить, так и скажи, я не в обиде, слово держать умею.

Услышав от уполномоченного слово надежды на добрый исход, казалось бы, из страшного тупика, я осмелела. Тихим уважительным голосом пояснила:

– Вы, гражданин начальник, звание, должность, права имеете, а кроме того, фамилию, имя да отчество. Все это по отдельности, а в едином вы – человек. Роза – она из лепестков, стебля, корня, а в единстве – цветок. Светило небесное – тепло, свет излучает, а в круге своем тоже единство – солнце.

Понравился ответ чекисту:

– Ну, ты, девка, молодец! Такой сложный философский вопрос за минуту по полочкам разложила. А мне тут некоторые мудрецы по два-три часа талдычили, ахинею какую-то несли, я так ничего и не понял.

Не знаю, что помогло мне и подруге избежать наказания, ответы ли мои, благодушие ли начальства, благородство, человечность ли, а может заступничество свыше дано было, право не знаю, только с единодушного согласия всех сидящих за столом нам вернули пасхальные продукты, а в придачу кету копченную килограмма на три веса да три горбуши соленые. На Дальнем Востоке этой рыбы было в достатке. А чтобы не оставить в обиде бдительного доносчика-упыря, тому за верную службу по приказу лагерного начальника снабженец выдал здесь же две бутылки водки. Подскочил после этого коротконогий упырь ко мне да взглядом недовольным буравит. Я же просто глядя в бесстыжие, наглые глаза всего-то и сказала:

– Бог тебе судья за дела богохульные.

Не ведала, что скорый да жестокий суд над ним свершится. На следующий день все, кто находился и служил в зоне, были поражены жуткой смертью упыря. То ли от злости, что женщины, им пойманные, избежали наказания или от радости дармовой выпивки, но, выпроводив нас, упырь здесь же на крыльце одну бутылку осушил, выпил до капельки, а со второй домой в поселок побегал. Торопясь, решил путь укоротить, и не по дороге, где все ходят, а напрямик пошел вдоль лагерной ограды по тропке, с зимы пробитой. А тут такое дело – со всех отхожих мест: туалетов, скотобойни, столовой для стока всех нечистот, прямо около ограждения, был вырыт котлован. А на улице ранняя весна, тепло, вот и появилась промоина от смердящей канавы под той зимней тропкой, как раз на границе ограждения зоны из колючей проволоки. Вот в эту зловонную западню и провалился пьяный злодей. Перед кончиной, нахлебавшись человеческих испражнений, от жадности бутылку из рук так и не выпустил. Даже жижа дерьма не приняла грешное тело, утопнуть не дала, наружу вытолкнула. Вот тогда впервые я и убедилась, что каждому воздастся по справедливости за злодеяния против Бога и людей.

Зимой я получила весточку от Николая. Перевели его для дальнейшей службы в воинскую часть, что рядом с нашим лагерем находилась. Это как вторым солнцем для меня стало, как же я счастлива тогда была. Сны, и те теплыми стали. Все трудности даже перестала замечать. А мысли – одна другую торопились перебить, и всё с ним, с Колей моим, связано. Ему ещё год служить оставалось, но твердо решил он, что после службы в нашем лагере или поселке работу найдет. Письма получала через нашу эковскую почту, сама ему тоже писала на подставной адрес. Понятное дело, скрывали мы свою переписку, но нашелся ведь иуда среди барака нашего, ээчка выкрала из моих вещей письмо Николая да в руки нового начальника лагеря передала. Хорошо, что письмецо то было без адреса, правда из текста понятно, что пишет мне военнослужащий, а кто он и откуда – неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.